

Борис Васильев

«Аты-баты, шли солдаты»

*В написании сценария фильма
непосредственное участие принимал
Кирилл Иосифович Рапопорт.*

— Рота, смирр-но!.. — пропел усатый прапорщик, шагавший впереди. — Равнение напра-во!

По залитому асфальтом полковому плацу, расчерченному белыми линиями для строевой подготовки, шла рота. Солдаты, в выходных тужурках и парадных фуражках, гулко топали надраенными до блеска ботинками и, старательно держа равнение, косили глазами на двух старших офицеров, которые стояли посередине плаца: могучего полковника и майора, казавшегося щуплым рядом с рослой фигурой командира полка.

Полковник и майор подняли руки к козырькам. Пропуская роту, полковник, чья тужурка была украшена несколькими рядами муаровых планок, спросил:

— Что, комбат, жалко лучшего ротного отпускать?

— Ничего не поделаешь, товарищ гвардии полковник, — слегка вздохнул майор. — Как

говорят французы, такова се-ля ви.

Полковник хохотнул:

— По-французски ты лихо наострился, майор, но смотри и соображай по-русски. Если при новом командире первая рота снизит показатели хоть по одному виду, я тебе такую «се ля ви» устрою, сразу про все свои рыбалки забудешь.

— Понятно, товарищ гвардии полковник, — уже совсем невесело вздохнул майор и посмотрел в сторону казармы.

От казармы к старшим офицерам бежали два молодых командира среднего звена: худощавый смуглый капитан с белесыми, выгоревшими на солнце ресницами и коренастый старший лейтенант с обветренным лицом.

Подбежав, офицеры перешли на строевой шаг и, остановившись на уставном расстоянии, замерли, дружно вскинув ладони к головным уборам.

— Товарищ гвардии полковник, — с привычной четкостью докладывал капитан, — представляюсь по случаю сдачи первой роты второго батальона вверенного вам полка.

— Товарищ гвардии полковник, — подхватил рапорт другой офицер, — старший лейтенант Алексеев роту принял. Все в порядке.

— А я и не сомневался, что все будет в порядке, — полковник пожал руки офицерам, для чего ему пришлось слегка наклониться. — Ничего

иного от первой роты и не ждал. Иди, майор, представляй нового командира.

Майор и старший лейтенант побежали к роте, а полковник, дружески взяв под руку капитана, пошел вместе с ним к штабу полка.

— Завидую я тебе, капитан, — говорил он на ходу. — Вот говорят, отрицательные эмоции вредны, а все равно завидую. Молодости твоей завидую. Что в Москву едешь. В академию. И что все у тебя впереди, а у меня, увы, все — в прошлом. — Он усмехнулся. — Помню, когда в академии учился, так начальник курса казался нам старым, а было-то ему ровно столько, сколько мне сейчас: сорок шесть лет, понятно — нет?

— Все относительно, товарищ полковник, — рассудительно заметил капитан. — В прошлом веке и в тридцать стариками числили. Полковнику Болконскому тридцать было.

— Так точно, — согласился полковник. — Только вот беда, капитан: для человека важно не сколько ему лет, а на сколько он чувствует себя, но для управления кадров — все как раз наоборот.

Они подошли к штабу.

— Мы ждем вас вечером, товарищ полковник, — прощаясь, сказал капитан. — Пожалуйста. Проводы — святое дело. И Веру Семеновну, естественно, тоже. Очень прошу, товарищ полковник.

— Благодарю, капитан, — сказал командир полка. — Я загляну непременно, а Вера Семеновна, к сожалению, не сможет. Внука нам подсунули. Такой архаровец, на минуту оставить нельзя. Понятно — нет?...

Худой и весьма пожилой человек стоял возле кассы продовольственного магазина военного городка. Старомодные очки его запотели, и, поскольку в одной руке была авоська с покупками, он никак не мог протереть стекла и беспомощно топтался у кассы, пытаясь на ощупь выбрать мелочь из кошелька.

Магазин в этот час был пуст, поэтому для молоденькой продавщицы и солидной кассирши происшествие с беспомощным покупателем было маленьким развлечением. Некоторое время они переглядывались, улыбаясь друг другу, пока, наконец, кассирша, сжалившись над стариком, не сказала со вздохом:

— Давайте ваш кошелек, папаша. Не бойтесь, не обсчитаю.

Старик охотно отдал кошелек. Кассирша, пощелкав клавишами аппарата, выбросила полоску чеков.

— Спасибо, доченька, — улыбаясь, покивал старик. — Дай Бог тебе здоровья.

Заметно трясущимися руками он запихал покупки в авоську и, запахнув куртку, перешитую

из старой офицерской шинели, вышел из магазина.

— И чего ходит? — проворчала ему вслед кассирша. — В таком возрасте на печи надо сидеть, а не по магазинам бегать. И трясется весь, как с перепую.

— Да он не старый, — зевнув, отозвалась из-за прилавка молодая продавщица. — Это Любкин отец. Он не старый и не пьет ни капельки. Контуженный он на фронте. Вот и трясется с той поры.

Капитан и старший лейтенант Алексеев шли по аллее, которая вела от расположения полка к военному городку. Вдоль аллеи стояли аляповатые щиты с цитатами из уставов и наставлений.

— Ну, вроде все ты мне доложил, — почему-то вздохнул старший лейтенант. — Лучшая рота — это не подарок. Это крест.

— Да, чуть не забыл, — сказал капитан. — Насчет Манукяна. Механик-водитель он экстра-класса, но запомни: перед каждым серьезным делом его надо непременно ругнуть. Не слишком, но ругнуть. Без обиды. Ясно?

Алексеев кивнул.

— А Рыжов — напротив. С ним поделикатнее, старшой. Жутко обижается, когда его ругают.

Они шли мимо Дома офицеров. В сквере перед ним на высоком постаменте стоял танк «Т-34» — стандартный памятник, какие

встречаются почти в каждом гарнизоне, особенно танковом. На фронтальной плоскости постамента золотыми буквами были написаны фамилии офицеров, сержантов и солдат дивизии, погибших в боях Великой Отечественной войны.

— Вот еще что, — сказал капитан, поравнявшись с памятником. — Перед принятием присяги молодых солдат непременно приводи сюда, к памятнику. Форма одежды — парадная, цветы — ну и так далее. И прикажи, чтобы комсорг речь толкнул, но только не длинную... Длинная рассеивает внимание, отвлекает. Ясно?

— Понятно, — сказал Алексеев. — Традиция?

— Традиция. Формальность, конечно, но армейские ритуалы вообще мобилизуют. А раз так, значит, надо.

Старик с авоськой сидел на скамье во дворе, со всех сторон замкнутом жилыми домами. Посередине двора был залит каток, уже, правда, подтаявший. Однако это не мешало выписывать круги по мокрому льду девочке лет семи, одетой в юбочку с меховой оторочкой.

Подкатив к скамейке, на которой сидел старик, девочка поставила на нее ногу и принялась завязывать шнурок, но у нее это никак не получалось.

— Давай помогу, — улыбнулся старик и стал неумело завязывать шнурок дрожащими пальцами.

— А у вас пальцы дрожат, — сказала она.

— Дрожат, — согласился старик. — Но я справлюсь. Ты кем хочешь стать — Пахомовой или Родниной?

— Я — в одиночном, — девочка очень серьезно вздохнула. — У нас в этом виде с медалями плохо. Спасибо, дедушка. — И, деловито кивнув на прощанье, укатила прочь.

Старик засмеялся, покрутил головой и, немного понаблюдав за девочкой, поднялся. Взял авоську и пошел к дому, осторожно ступая чинеными яловыми сапогами.

Капитан и старший лейтенант Алексеев шли по улице военного городка. Здесь все знали друг друга, и капитану приходилось то и дело отвечать на приветствия встречаемых и обгоняющих.

— Ты извини, специально не знакомлю, — сказал он Алексееву.

— Понятное дело. Шапочное знакомство не для нашей службы. Тут либо все надо знать, либо — ничего.

— Тут и так все всё знают, — капитан невесело усмехнулся. — Вот, к примеру, есть у меня старик. Отец моей жены, а мне, стало быть, тещь, да? Как пришел приказ об академии, все время о нем думаю, но с Любой, с женой своей, еще не говорил. По правде сказать, тяну. Не решаюсь. Понимаешь, тащить его с собой в Москву

совершенно невозможно. Там первое время наверняка в общежитии мыкаться, а его туда вообще могут и не пустить. Но даже если удастся снять квартиру...

— А здесь его разве нельзя оставить? — удивился старший лейтенант. — Ты тут — по первому номеру, в академию от части едешь. Пенсию твой тесть получает?

— Получает, дело не в деньгах. Беспомощный он какой-то, неприспособленный. Вечно всем помогать норовит, а ничего не выходит. И руки дрожат, и видит плохо. И потом, пить ему совершенно нельзя. Категорически.

— А он что, закладывает?

— Нет, что ты. Но сейчас за ним Люба присматривает, а если один останется, все может быть. Уговорят, разжалобят, затянут. А для старика две-три рюмки — это конец.

— А кроме вас у него никого нет?

— У меня — никого, а у Любы — брат. В Сызрани. Жена у него — стерва. Боюсь, обижать старика начнет. Но я принял решение все-таки отправить его в Сызрань. Нет у меня иного выхода. Так что ты, старшой, не удивляйся, когда о нас тут услышишь. Для того все и рассказал.

— Догадываюсь.

— Может, зайдешь к нам? — спросил капитан. — Отвальный вечер, с офицерами

познакомлю. Да и старика сам увидишь.

— Извини, нет, — твердо сказал старший лейтенант. — Не люблю в чужом пиру похмелья, капитан.

Старик стоял в подъезде и, перехватывая авоську из руки в руку, пытался открыть почтовый ящик. Давалось это ему нелегко, но он наконец-таки попал ключом в замок, откинул крышку и вытащил из ящика газеты. При этом на ступеньку лестницы упала открытка. Покряхтев, старик поднял ее и, вскинув на лоб очки, принялся читать, медленно шевеля губами:

— Дорогой друг! Наши отцы погибли в одном бою. Если хочешь почтить их память, приезжай шестого марта, в годовщину боя, на станцию Подбедня...

И пока старик читал открытку, возник стук доброй сотни пар сапог об утоптанную землю казарменного плаца и послышался рыкающий голос старшины:

— Рраз-два-трри! Рраз-два-трри! Рраз!.. Левое плечо вперед... маррш! Ррота, ножку!..

Рота курсантов военного училища военного времени вытягивалась на плац. Восемьдесят шесть пар новеньких кирзачей старательно выколачивали пыль из притоптанной земли. Роту вел кряжистый старшина-сверхсрочник, подавая команды с обычным для училищных старшин удваиванием

рычащих звуков:

— Рота... стой! Напрра-во! Подрравняйсь!
Смирна! Стоять вольно!

Рота стояла посреди пыльного плаца, повернувшись фронтом к накрытому красной скатертью столу, на котором стопками были сложены офицерские погоны зеленого фронтowego цвета.

Кабинет начальника училища выходил окнами на плац. Возле открытого окна стоял сам начальник, старый полковник с седыми игольчатыми бровями, и рядом с ним — крутошекий улыбающийся майор, в рюмочку перетянутый портупеей, с медалями на щегольски отутюженной гимнастерке.

— Орлы, товарищ полковник! — Майора прямо-таки распирало от радости. — Орелики! До чего же мне, товарищ полковник, повезло: без волокиты, без ожиданий получаю у вас целый курс лейтенантов. Восемьдесят шесть душ. Аж на три души больше, чем фронт заказывал!

Начальник училища подвигал бровями и хмуро покосился на развеселившегося майора.

— Ваши ребята в младших лейтенантах не засидятся, — распинаялся тот. — Кроме того, через месяц каждому гарантирую орден.

— А жизнь? — скучно спросил полковник.

— Война, товарищ полковник, — развел

руками майор. — Либо грудь в крестах, либо голова в кустах.

Полковник вздохнул:

— Относительно голов вы правильно высказались, майор. Исключительно правильно.

Майор хотел было обидеться, но передумал и снова несокрушимо заулыбался:

— Эх, жаль, оркестра у вас нет, товарищ полковник. Такой день! Ведь вот зачитаете вы сейчас приказ, и весь этот строй из курсантского превратится в офицерский. Какое мгновение! Надо бы оркестр. Личные поздравления каждому. Персональные рукопожатия. Чтобы запомнилось на всю жизнь.

— Жизнь, — повторил полковник и снова вздохнул: — Вы, майор, под словом «жизнь» понимаете завтрашний день плюс что-то бесконечно длинное. Не так ли?

— Так точно, — улыбнулся майор — А вы, товарищ полковник?

— Гм, гм... — хмуро прокашлялся начальник училища. — Я этих мальчишек, майор, каждые четыре месяца выпускаю. Каждые четыре, трижды в год. Посему за словом «жизнь» вижу только их путь до фронта плюс еще несколько дней до первого боя. А там — как повезет. — Он одернул китель и двинулся к дверям. — Идемте на плац, майор. Пора.

— Товарищ полковник, — вдруг невероятно проникновенно сказал майор — Уважьте личную блажь!

Полковник остановился, чуть поднял брови:

— Блажь?

— Так точно. Разрешите зачитать поименный список личного состава, — попросил майор. — Ведь моими хлопцы станут. Хочу к фамилиям привыкнуть.

— Сделайте милость, — пожал плечами полковник. — Можете заодно и приказ зачитать.

— Нет, приказ лучше вы. Чтобы звучнее. А я — только фамилии.

— Сделайте милость, — еще раз сказал полковник и вышел из кабинета.

Выпускная рота — восемьдесят шесть курсантских душ — замерла в строю, держа равнение на середину, где среди офицеров стоял начальник училища и будничным голосом заканчивал чтение приказа:

— ...Всех поименованных ниже курсантов считать закончившими ускоренный курс пехотного училища с присвоением каждому поименованному воинского звания «младший лейтенант». Приказ подписал начальник Главного управления кадров Советской Армии.

Полковник опустил руку с приказом и обвел глазами строй, вглядываясь в каждое лицо. А лица в

подавляющем большинстве были мальчишескими и сейчас сияли от счастья.

Полковник пожевал губами, точно готовясь сказать нечто очень важное, но сказал скучно:

— Фамилии получивших офицерские звания сейчас будут зачитаны.

Начальник училища передал приказ розовощекому майору, и тот, встрепенувшись, бросил на роту почти восторгом сияющий взгляд.

— Прошу названных мною офицеров делать шаг вперед, — воодушевленно сказал он и, взглянув в список, вдруг заорал неестественным голосом:

— Младший лейтенант Анджапаридзе!

Мирно дремавшие в пыли воробьи, подняв невероятный галдеж, сорвались с плаца и закружились над строем.

— Младший лейтенант Бабаев! — продолжал орать майор. — Младший лейтенант Дулин!

Строй с трудом сдерживал смех.

— Чего он разорался? — негромко спросил рослый курсант, стоявший правофланговым.

— Отставить рразговоррчики, Прригуда! — не разжимая губ, грозно прорычал старшина.

— Младший лейтенант Зайченко! — с радостным восторгом продолжал тем временем кричать майор. — Младший лейтенант Иванов!

Пожилой подполковник, стоявший рядом с

начальником училища, негромко сказал:

— Напрасно доверили, товарищ полковник. Сейчас они заржут, как лошади.

— Смех службе не помеха, — отозвался полковник, но в глазах его уже появилось некое веселое ожидание.

Строй еще держался, хотя лица восьмидесяти шести курсантов налились краской. Многие покусывали губы, чтобы не расхохотаться.

— Младший лейтенант Суслик! — с особенным щегольством прокричал майор.

По рядам прокатился смешок, но никто не сдвинулся с места.

— Младший лейтенант Суслик! — с еще большим восторгом выкрикнул майор. — Где младший лейтенант Суслик?

Старшина свирепо оглядел строй и беззвучно выругался.

— Лейтенант Суслик! — в третий раз воззвал майор, повысив в звании невесть куда пропавшего вчерашнего курсанта.

Стоявший в первой шеренге новоявленный младший лейтенант Суслин покраснел, надулся и, шагнув из строя, мрачно уточнил:

— Я — Суслин. Суслин. А не суслик.

— А у меня написано: Суслик, — взглянув в список, не сдавался майор. — Суслик.

— А я — Суслин. Суслин!

— Значит, это не вы.

— Значит, это не я, — согласился Игорь Суслин и вернулся в строй.

И тут всех словно прорвало. Строй разразился смехом. С молодым злорадным удовольствием хохотали уже объявленные и еще не объявленные младшие лейтенанты. Смеялись офицеры училища. Даже суровый полковник позволил себе усмехнуться.

— Отставить смех! — побагровев, кричал старшина, сам изнемогая от чудом сдерживаемого хохота. — Прек-рра-тить!.. Смир-рно!

Но строй хохотал, не в силах совладать с приступом хохота. Хрюкали, всхлипывали, охали и ахали, заражаясь весельем друг от друга и рождая то, что принято называть хохотом гомерическим.

Не смеялись только двое. Растерянный, начинающий злиться краснощекий майор и Игорь Суслин. Обиженный и насупленный.

— Па... вагонам!.. — пропел розовощекий майор.

Толпа младших лейтенантов, скрипя новенькими портупелями, ремнями и кобурами, побежала садиться в теплушки воинского эшелона, поданного на первый путь. И только Игорь Суслин огорченно стоял в стороне.

Мимо обиженного Суслина пробежал рослый Пригуда: постоянный правофланговый их

училищных построений. Весело хлопнув расстроенного товарища по плечу, сказал, не скрывая распившего его счастья:

— Прощай, Игорек. Служи и не тужи. Сейчас не попал на фронт, в другой раз пофартит!

И побежал. Потом вдруг остановился, вернулся и протянул Игорю потрепанный командирский планшет:

— Держи на память. Мне на фронте другой дадут. Счастливо!

И убежал, радостно топая сапогами.

Улучив момент, Игорь подошел к румяному майору. Не так чтобы очень уж решительно, но упрямо:

— Разрешите, товарищ майор, обратиться с личной просьбой? — он старался держаться уверенно. — Младший лейтенант Суслин. Начальник училища позволил обратиться непосредственно к вам.

— Ну, что еще у вас? — неприветливо буркнул майор, глядя мимо Игоря.

— Возьмите меня, товарищ майор, — умоляюще начал он. — Вы же всех взяли, а меня почему-то оставили. Одного.

— Сказал — не возьму, значит, не возьму, — отрезал майор. — Мне восьмидесяти пяти позарез хватит. Ясно?

— Почему же именно меня не взяли? —

унылым голосом спросил Суслин.

— Потому что вы недисциплинированны, Суслин, — с категоричностью, не допускающей возражений, сказал майор. — На фронте с такими, как вы, одна маята. Скидаете сразу и обижаетесь, как маленькие дети.

— Вы же меня совсем не знаете...

— И знать не хочу! Вот помотаетесь по резервам, пока не созреете до фронтовой кондиции. На третьей норме тылового довольствия. Тогда, может, и выйдет из вас фронтовой офицер. Хотя лично я сильно сомневаюсь.

Приложив руку к козырьку полевой фуражки, майор зашагал к головному вагону. Раздался паровозный гудок, глухо лязгнули сцепления, состав дернулся и пошел.

Немногочисленные провожающие разошлись, и на пустом перроне остался лишь младший лейтенант Суслин. И долго стоял, с тоской глядя вслед ушедшему на фронт эшелону.

Вечером у капитана состоялись проводы. Небольшая комната была набита гостями. Молодые офицеры и их жены тесно сидели за столом, во главе которого громоздилась мощная фигура командира полка.

Первые тосты были уже провозглашены, за столом царил шумный и бестолковый общий разговор, слышались позвякивание ножей и вилок,

шутки, отдельные реплики, смех. Рядом с капитаном сидела его жена Люба: разругавшаяся красивая женщина с вальяжной осанкой и русой, кольцом уложенной косой.

— ...Зачем мне академия? Я своих двадцать пять отпашу, и — привет.

— ...Невкусный у Любы салат...

— ...Зато коса хороша...

— Ты на чужие косы не заглядывайся...

— ...А ты пас с левого края видел? Прямо на клюшку...

Полковник басовито прокашлялся, и сразу же, несмотря на неофициальность обстановки, все замолчали, повернув головы к командиру полка. Полковник поднялся и, сжав тяжелой ладонью хрупкую рюмку, сказал:

— Товарищи, разрешите от имени командования еще раз пожелать одному из лучших офицеров дивизии счастливого пути и, как говорится, успехов в учебе и личной жизни. Казалось бы, совсем недавно мы, командиры среднего поколения, которые были, по сути, подростками в военные годы, принимали части и соединения из рук тех, кто командовал ими в военные годы. Разумеется, мы благодарны им и не забываем. Вот, к примеру, бывший командир нашего полка гвардии полковник Чуркин...

— Иван Сергеевич, — подсказал кто-то из

офицеров.

— Так точно, Иван Сергеевич, — согласился полковник. — Так вот, живет он у нас в городке, как говорится, на заслуженной пенсии. Но мы, сами знаете, на все торжественные вечера непременно приглашаем его в президиум, на почетное место, понятно — нет? Так что не забываем, не забываем... Да. Но вот что хочу сказать. Не за горами то время, когда и нам придется передавать командование в ваши руки, товарищи офицеры. — Командир повернулся к капитану. — И как знать, может быть, ты, Константин, закончив академию, вернешься в родную дивизию, в свой полк. И это очень хорошо, товарищи, хорошо и правильно! А посему я предлагаю тост за вечное движение жизни. За преемственность. За дружбу офицеров разных поколений!

Гости чокнулись, выпили. Полковник под одобрительный говорок сел на место. Поднялся Константин. Дождавшись, когда стихнет шум за столом, заговорил с привычной легкостью, порою смахивающей на легкомыслие.

— Мне отлично известно, что я счастливчик, а потому я, при всем желании не могу сочувствовать неудачникам. Моя собственная жизнь дает мне право на эти слова. Отец мой погиб на фронте, когда я только-только должен был родиться, мать умерла через три года. Я вырос в детдоме. Мне

было труднее, чем многим другим, но я знал свою цель и шел к ней напролом. Прошу извинить, что слишком часто употребляю местоимение «я», но мы — офицеры, и наши боевые приказы не знают иной формы, кроме «я решил». Так за решения, которые мы принимаем!

Когда шум, вызванный тостом, улегся и гости вновь занялись закуской, кто-то спросил:

— А где контроль. Костя?

— Какой контроль?

— Контроль за решениями, которые мы принимаем?

— Жизнь, — решительно ответил Костя. — Жизнь — самый суровый поверяющий. Она сама отбрасывает негодные решения.

— Значит, контроль вне человека?

Константин не успел ответить, потому что полковник отвлек его вопросом:

— Твой отец в котором погиб, Костя?

— В сорок четвертом. Кстати, мне напомнили сегодня об этом, — он повернулся к жене. — Люба, где открытка?

Люба поднялась, порылась на отодвинутом в совсем уж неподходящее место письменном столе, нашла открытку и протянула ее полковнику. Командир прочитал, пустил по рукам.

— Странное послание. И без подписи.

— Нет, закорючка стоит. Видишь?

— А почерк-то — женский. Учти, Люба.

— Где это — Подбедня?

— Может, розыгрыш?

— Нет, не розыгрыш, — сказал Константин, получив наконец-таки открытку и еще раз перечитав ее. — Когда мне в детдоме отцовский орден вручали, помню, разговор был насчет станции Подбедня.

— Какой орден?

— Отечественной войны, — ответил капитан. — Люба, где орден?

— Может, в папиной коробке? — неуверенно сказала Люба. — Посмотри в кухне, на полке. Круглая такая коробка, из-под конфет.

В маленькой кухне возле заставленного посудой стола сидел отец Любы и плакал. Сопел, всхлипывал, но не утирал слез, которые стекали по его худым, изрезанным морщинами щекам.

— Что с вами, Илья Иванович? — с испугом спросил Константин, войдя в кухню. — Вам плохо?

— Лук режу, — улыбнулся сквозь слезы старик. — Люба велела луку нарезать, а он, понимаешь, больно вредный оказался.

— А почему к столу не идете? — спросил Константин, открывая дверцы настенного шкафчика. — Неудобно получается, Илья Иванович.

— Ты уж прости, Костя. Не к лицу я молодой

компании. Перво-наперво — не пью. Второ-навторо — острого не ем. Только испорчу вам весь праздник. К тому же — полковник там.

— Ну и что? — Константин выставлял на стол различные кухонные предметы и разговаривал через плечо. — Съест он вас, что ли, полковник?

— Да что ты, Костя, — махнул рукой старик. — Я их смолоду пугаюсь. И полковников, и генералов. Я и лейтенантов-то робел всю дорогу. А с живым полковником, может, всего раз в жизни и разговаривал. Когда орден получал. Ты чего ищешь-то?

— Орден отцовский, — ответил Константин. — Люба сказала, что в коробке из-под конфет, а где эта чертова коробка?... Ага, вот она.

Константин вытащил круглую жестяную коробку из-под леденцов и, сдвинув посуду, вытряхнул из нее содержимое. Множество памятных медалей на старых колодках, орден Отечественной войны и несколько выцветших фотографий тридцатилетней давности.

— Вот он.

— Это не он, — не согласился старик. — Этот — второй степени. А у твоего бати — первой, — он достал из ящика стола красную коробку. — Я его отдельно храню.

— Спасибо, Илья Иванович. — Константин взял коробку. — Уберите все здесь, ладно?

И вышел из кухни. А Илья Иванович принялся складывать в жестяную коробку солдатские, памятные и юбилейные медали. Делал он это неторопливо, разглядывая каждую медаль в отдельности. Порою качал головой, порою грустно улыбался чему-то. Последней он взял со стола фотографию с оторванным уголком. На ней были видны два солдата в сдвинутых на затылок зимних шапках с автоматами на груди. Позы и улыбки их были неестественно напряжены, потому что солдаты явно позировали фронтовому фотографу. Фоном для снимка служили руины какой-то немецкой крепости. Возможно, то был Кенигсберг. Несмотря на давний срок и потрепанность, в одном из солдат можно было узнать молодого Илью Ивановича.

Орден Отечественной войны первой степени лежал на широкой ладони командира полка.

— Весомая вещь, — сказал полковник, уважительно взвешивая орден. — Маленькая, а весомая.

В комнату бочком проскользнул Илья Иванович с тарелкой нарезанного лука. Поставил на краешек стола, хотел было тотчас же выйти, но полковник заметил его:

— Илья Иванович, куда это вы? За стол просим, за стол. Ребята, место ветерану Великой Отечественной.

Гости задвигались, освобождая место. Кто-то уступил стул, кто-то принес тарелку, вилку, рюмку. И тотчас же щедрая офицерская рука потянулась к этой рюмке с бутылкой водки.

— Отставить, — негромко сказал полковник. — Боржомчику можно вам, Илья Иванович?

— Если без градусов, — робко уточнил старик.

— Без градусов, — полковник сам налил боржомом — Ну, чего сыну пожелаете?

— Сыну?... — Илья Иванович неуверенно улыбнулся. — Оно конечно, оно так. — И встал. Рука дрожала, боржомом проливался на стол. — В большую дорогу провожают тебя, Константин. Да. На учебу. Потом в большие начальники выйдешь. Так ты, это, ты о солдате не забывай. Начальник, он солдатами держится, каких бы званьев ни достиг. А солдаты — тобой. Нету у них никого, кроме начальников. Никого нету. И пожаловаться некому.

Помолчал, выпил боржомом и, шаркая ногами, вышел. И все молчали. Полковник встал.

— За отцов, — негромко сказал он. — Павших и еще живых.

Все встали, стараясь поменьше шуметь. Выпили.

— Когда ты, капитан, на отцовской могиле в последний раз был? — не глядя, спросил

полковник, аккуратно поставив рюмку.

— Так я ведь, в сущности, и не знал, где эта могила. Впервые из открытки выяснил. Теперь надо будет как-нибудь съездить. В отпуск. Или на каникулы.

— Тебе когда в академию являться?

— Ровно через десять дней.

— Тогда зачем тянуть? Святое это дело — отцовской могиле поклониться. Особенно перед таким рубежом, как академия. Понятно — нет?

Капитан не ответил. Он уложил орден в красную коробочку и, закрыв крышку, забарабанил по ней пальцами.

Но стука его пальцев по коробочке мы не услышали, потому что в этот момент зазвучал лязг винтовок, взятых к ноге в три приема. И голос:

— Взвод, смирно! Равнение на середину!
Слушай переключку. Рядовой Абрамов!

— Я!

— Рядовой Бесымбаев!

— Я!

В узком коридоре дощатого барака с запылившимися стеклами и двумя рядами трехъярусных нар был выстроен взвод маршевого батальона. Места было немного, и командиру взвода младшему лейтенанту Суслину, одетому в аккуратную гимнастерку с белоснежным подворотничком, приходилось вжиматься в проход

между нарами. А во главе взвода стоял степенный усатый помкомвзвода старший сержант Гарбузенко и хрипло выкрикивал фамилии личного состава.

— Рядовой Гусев!

— Я! — отозвался высокий тощий солдат.

— Пат без Паташона, — негромко, но внятно произнес стоявший в строю ефрейтор Виктор Святкин: худой, как все, но не как все разговорчивый. На его потрепанной гимнастерке с двумя полосками за ранения выделялся новенький орден Красной Звезды.

— Рядовой Глебов! — продолжал Гарбузенко.

— Я!

— Иван Четвертый, — пояснил Святкин. —

Но не Грозный.

— Рядовой Кодеридзе!

— Я!

— Абрек, — сказал Святкин.

— Рядовой Лавкин!

— Я!

— Калуга, — произнес Святкин, и стало понятно, что во взводе у каждого есть прозвище и что автор прозвищ ефрейтор Святкин.

— Младший сержант Сайко!

— Я, — отозвался рослый сержант, стоявший на правом фланге.

— Ванька Первый, — уважительно отметил Святкин.